

Ғабил Ҷисқандер

ГОРНЫЕ
троны
Стихи

АБГОСИЗДАТ
1957

Фазиль Искандер

Горные тропы

СТИХИ

Абхазское государственное издательство
СУХУМИ — 1957

УТРО

Я шел рассветом вдоль межи
Над тихим полем желтой ржи.

Дул встречный ветер и, казалось, —
Под гребнями ржаных валов
До горизонта прогибалась
Земля под тяжестью хлебов.

А на востоке — цвета бронзы —
Вставало медленное солнце.

Хлеба у края небосвода
Его восходом зажжены.
В такой вот час, наверно, кто-то
Придумал герб моей страны.

МНЕ ПРАВО ДАНО

...Чтоб я ни делал —
На каждом шагу,
Друзья, перед вами
Я в вечном долгу.

Я в море тонул,
Устав от заплыва.
Парень спас меня,
Спрыгнув с обрыва.

Я ногу сломал,
Сорвавшись со скал.
Меня в горах
Мой друг отыскал.

Хирург операцию
Сделал тотчас.
Товарищ хирург,
Я помню о вас.

Когда с войной
Приходили враги,
Меня защищали
Мои земляки.

Меня защищали
Гвардейцев полки,
Тысячу раз
Поднимаясь в штыки.

Чтоб я ни делал —
На каждом шагу,
Друзья, перед вами
Я в вечном долгу.

И если упавшего
Не подниму —
Забот не найду
Ни рукам, ни уму;

Скажут друзья,
Взглянув на дела:
— Тебя по ошибке
Мать родила.

И люди повторят
Со стороны:
— Ты лег обузой
На плечи страны.

И парень наложит
Свою резолюцию:
— Ты должен был в море
Тогда захлебнуться.

И скажет хирург мой
Угрюмо и строго:
— Не для того
Я лечил тебе ногу,
Не для того

Я не спал над тобой,
Чтоб в жизни ходил ты
Дорогой кривой.
И скажет...
Нет, не скажет, друзья.
Я сердцем в сердца ваши
Выльюсь по капле,
Как в лампочки свет
Втекает по кабелю.
Я в вашей судьбе —
Непременный участник.
Это и есть
Мое личное счастье.

Мне право дано
Быть верным всегда вам.
Да здравствует это
Высокое право!

* * *

Желтая пыль на моих башмаках.
Асфальт, как воск, плавит жара.
Я так давно не был в горах,
Я так давно не сидел у костра.
Я вас не забыл, мои земляки,
И тревоги военных ночей,
И случайный под буркой ночлег.
Я пил из Волги, я пил из Оки,
Но железный запах горных ключей
Я не забуду вовек.
Узкие тропы учили меня
Вперед смотреть, а не вспять.
А вы, земляки, научили меня
Стоя гостей встречать.
Вы воспитали юность мою.
Я помню и я могу
Ударом палки убить змею,
Костер разложить на снегу.
Я помню и сумрак сырых ущелий,
И далекий огонь Ткварчели,

И кругозор — океан безмерный,
И медвежий, скользящий след на земле,
И перед выстрелом — профиль серны,
Замершей на скале.
Желтая пыль на моих башмаках.
Асфальт, как воск, плавит жара.
Я так давно не был в горах,
Я так давно не сидел у костра.

ПАСТУХ

Вот человек сидит на камне,
Колени охватив руками.
Над ним — закат и водопад,
Ущелье — слева,
Горы — справа.
Под ним — ягнячий детский сад
Гуляет по альпийским травам.

Бывало, овцы в непогоду
Болеют, падают — нет сладу.
И он в загон тихонько входит,
Как врач в больничную палату.

Еще, бывало, встретит зверя.
Но — то ли глазу маята, —
Глядит, глазам своим не веря,
Он бьет, а зверю — ни черта.

И он встречает его, стоя
У сбившихся гуртов на страже,
Стоит с винтовкою пустою
И нет патронов в патронташе.

И в горле делается суше...
Не разминуться им никак!
Но остается нож пастуший —
Холодный, длинный, как тесак.

Всю жизнь ущельями скитался,
Коня седлая второпях,
К хребтам каким ни поднимался!..
Не поднимался лишь в чинах.

Но человек народу близкий...
Не золото, не серебро
Народ доверил без расписки
Ему народное добро.

Где знаки славы? Где петлицы?
Он не носил их никогда.
Ему ли славою гордиться —
Он мясом кормит города.

СЫР

В полдень пришли пастухи в шалаш.
Смех и шутки — ключом.
У каждого бедра стянул патронташ,
Винтовки торчат за плечом.

Готовит обед дежурный пастух,
А эти сидят, переводят дух.

Охотник отчаянный и непоседа —
Внезапно Чагу толкает соседа:
— Давайте, ребята, устроим тир, —
А ну, Алеша, тащи-ка сыр!

Сыр толщиной с хороший кулак,
Если поставить ребром.
Его покрывает оранжевый лак,
Он задубел над костром.

Мы ставим на камень рябой от дыр
Почти что каменный сыр.

Мы пот тяжелый стираем со лба.
Отдача отбрасывает плечо.
За горы откатывается пальба.
Пальцам от ствола — горячо.

А сыр на камне, как решето —
Не промахнулся никто.

Глядит зоотехник из МТС —
Он в горы приехал вчера,
Три дня он сюда из города лез
И киснет сегодня с утра.

А пастухи, стоя в дыму:
— Попробуй, пальни-ка, — кричат ему.
И вот, сжимая мучительно рот,
Он в руки, как палку, винтовку берет.

Чагу хохочет, держась за бока,
Мигает насмешливым глазом:
— Тебе, брат, стрелять не в сыр, а в быка,
И то, брат, если привязан.

Но тут зоотехнику авторитет
Спасает дежурный пастух.
А ну, — говорит, — давай на обед,
Пока огонь не потух.

...Мы пьем ледяную воду озер,
По пальцам стекает жир,
Едим мамалыги дымный костер
И пулями взрезанный сыр.

ПАТРОН

Пустыми глазами глядит в шалаш
Расстегнутый патронташ.
Все спят. Но костер еще не потух —
Патроны свои заряжает пастух.

Медленно перевернув патрон,
К свету его наклона,
Вбивает в него тугой пистон,
Как гвоздь в копыто коня.

Потом газеты невнятный шорох
И струйкой в патроны втекает порох.
Одни, до горла наполнив дробью,
Другим свинец вбивает в утробы.

Мерцая у стола на краю,
Патроны стоят, как солдаты в строю.

Патронов округлые бока
Свет освещает жидко
И каждый теперь похож на бокал
Смертельного полный напитка.

Зверь ли, бандит ли — такой бокал
Валит с ног наповал.
И только медведь, встречаясь в пути,
Выдерживает, порой, до пяти.

ПОДКОВА

Мы шли с охотником леском.
И вдруг внезапная заминка:
Он землю ковырнул носком
Полувоенного ботинка.

Подкову ржавую подняв,
Тяжелые прищуря веки,
Протер железо о рукав
Видавшей виды телогрейки.

Но, зная старую примету,
Он, гор абхазских старожил,
Подкову найденную эту
На плоский камень положил.

Зачем? Чтобы однажды снова
Увидеть здесь ее опять?
А может быть обычай новый —
Ее кому-то оставлять?

Я жил не так. Я бестолково
За клоком клок у жизни рвал.
В дороге найденной подковы
Я никому не оставлял.

В ШАХТЕ

Ты в шахту вошел, как в холодную реку.
Пять километров по темному штреку!
Эй, налетит вагонетка с разбегу!
Пять километров по темному штреку!

Ты виснешь над бездной, сползая по гезингу,
Пальцы вжимаются в мокрую лесенку,
Глаза ошалелые шарят по своду...
Но вот, наконец, ты присел на породу.
Присел и вздохнул. Доволен собою.
Уголь вокруг — ты дошел до забоя.

На лбу твоём — черные капельки пота,
Тебе отдохнуть хорошенько охота,
Пускай хоть за шиворот льется вода.

Ты только дошел до места работы,
А люди работать приходят сюда.

ПОТ

Распахнул он рубашку на горле,
Потянул через голову вверх.
Там, где мышцы ее протерли,
Тело глянуло из прорех.

И ударил запах работы,
С ароматами лета споря,
Крепкий запах горячего пота
Всколыхнулся, как запах моря.

ГОРЕЦ И ШАХТА

Пришел старик наведать сына.
Кусок угля подняв зачем-то,
У входа в шахту на тесины
Присел под хлопающим тентом.

Следит за сменой, озабочен —
Тут сына не узнать не грех:
На всех комбинезон рабочий
И лица черные у всех.

Вот почему-то дрогнул старый,
Заслышав поезда сигнал.
А может в этой Акармаре
Когда-то зверь его порвал?

А может то, что год от года,
С мотыгой или с киркой
Он на земле свой век работал,
А сын зачем-то под землей...

И уголь с нефтяным отливом
В корявых пальцах мужика,
Как чернозем земли счастливой,
Ему неведомой пока.

Но мудрый, старый, как природа,
Он всей тоской поймет сейчас,
Как время тормозит народы,
Переводя из класса в класс.

*

БУЙВОЛЫ

Буйволы по берегу крутому
Всем своим семейством толстокожим
В полдень потянулись к водоему.
Входят в воду, выбирают ложе.

Тяжелее броненосных глыб,
Черные, лоснясь до синевы, —
Над водою лишь рогов изгиб
И сопение жующей головы.

Вот лежит недвижно и угрюмо
Стадо молчаливых работяг.
Нравятся мне эти тугодумы
За медлительный, но твердый шаг,

За характер, не гадающий заранее —
Камни ли ворочать, в горы ль, в грязь.
Много людям сделали добра они,
Перед ними не ласкаясь и не льстясь.

Им подстать, где трактор не пройдет,
Землю выпахать и, встретивши врага,
Защищаться, выставив вперед
Узловатые, гранитные рога.

Пусть медлительны в работе буйволицы,
Их доить дояркам нелегко,
Но зато в подойники струится,
Как смола, густое молоко.

Каждый день по берегу крутому,
В полдень появляясь неизменно,
Буйволы проходят к водоему,
Отработав утреннюю смену.

*

**МНЕ ОХОТНИК
ОДНАЖДЫ СКАЗАЛ...**

Парень, слово мое
Ты вспомнишь не раз:
Ничего, кроме дружбы,
Не стоит беречь.
Даже если соринка
Попадет тебе в глаз,
Нужен дружеский глаз,
Чтоб соринку извлечь.

МЕДВЕДЬ

В пяти верстах от сельсовета
Я жду в кустах его с рассвета.

Он где-то близко, где-то здесь,
Могу следы его прочесть.

Тут он продрался сквозь репейник,
Бродяга пьяный и бездомный,
Перевернул валун огромный
И вылизал весь муравейник.

Там лавровишни ел в кустах,
Ломая косточки в зубах.

Он в рот совал густые кисти,
Он ел, выплевывая листья.
Торчат обглоданные ветки —
Медвежьего стола объедки.

Потом вставал он во весь рост,
И дерево когтил неожиданно,
И десять штыковых борозд
Прорезал по стволу каштана.

В пяти верстах от сельсовета
Я жду в кустах его с рассвета.

Он должен появиться тут,
Он должен появиться тут!
Под мягкой лапой хрустнул прут.
И вот — он тут.

И, первым увидав его,
Я поднял медленно ружье.

Медведь смотрел спокойно, смело,
Как будто бы сказать хотел он:
Мол, я пойду своей дорогой,
И ты иди в свою берлогу.

И, чуя наведенный ствол,
Шурша листвою по лощине,
Он, не оглядываясь, шел,
Шел, как положено мужчине.

А я прицелиться посмел —
И первый выстрел прогремел.

Его свалил удар свинца,
Над шерстью вспыхнула пыльца.

Он повернулся ко мне так,
Как повернулся б только танк.
Но зверь — он зверем стал теперь —
И на меня пошел, как зверь.

Его отбрасывал свинец,
Он снова шел, привстав.

Я перебил ему крестец
И плечевой сустав.
И близко-близко, наконец,
Он лег в прохладу трав.

Зализывая кровь и грязь,
Боками жаркими вздымая,
Он лег, со смертью примирясь,
Ее причин не понимая.

Разлапый, он разлегся грузно,
Земле отдав остаток сил.
И стало тихо. Стало грустно.
Зачем медведя я убил?

ПОГРАНИЧНАЯ НОЧЬ

Как распахивают жаркую рубашку,
Окна домов — нараспашку.

Город уснул. Город спит...
Лижет волна гранит.

Готовые броситься морю в объятия,
Отбросив тени, как черные платья,
Сосны в ряд
Стоят на берегу.
Лодки спят на боку.

В пыльной зелени трав
Приморские спят бульвары.
От топота ног устав,
Потные спят тротуары.

Лунный свет садится на листья,
Он пробивает листву без труда.
Лунный свет струится сквозь листья,
Как сквозь пальцы вода.

И льется, и льется на землю
Неслышимый водопад...

Чутко деревья дремлют,
Птицы и дети спят.
Но, охраняя сон ребят,
Здесь часовые не спят.

Луна бледнеет. Луна устала.
Она, как льдинка на дне бокала.
За черную гору заходит луна,
И ночь, как гора,
Черным-черна.
Тишина.

То ли скрип осторожных уключин,
То ль под ветром кустарник колючий?
То ли сонные рыбы всплеснули,
То ли мокрые весла блеснули?
То ли лодки плывущей звук,
То ли собственный сердца стук?

И вдруг!
Сбрасывая автоматы с плеча,
Бегут патрули, сапогами стуча.
Прожекторный луч хлестнул по воде!
Шарахнулись рыбы на дне.
А человек на черной волне,
Как за стеной, в темноте.
И наискось, пробивая ветра,
С обеих сторон оцепляя залив,
Захлебываясь, летят катера,
Носы свои в воду зарыв.

Еще и еще! Метнулись лучи!
Скрестились лучи, как мечи.

И, пойманный светом с обеих сторон,
Он извивается, как скорпион.
Качнулся над морем пронзительный крик.
Но крик этот гасят нагорья.
Ворча и ворочаясь, как старик,
Во мгле
 засыпает
 море.

И тонет, вливаясь в шорох аллей.
Уходящий шаг патрулей.

*

ТУРИСТЫ

Я с теми согласен, не споря,
Кто любит походный простор,
Кто в горы уходит от моря,
Кто к морю спускается с гор.

Крутая тропинка не любит
Опущенных низко голов.
А лес — он тебя не погубит,
Учись прямоте у стволов!

Как воду, ты пей этот росный,
Пропитанный смолами воздух,
Где держат высокие сосны
Сухие и легкие гнезда.

...Сквозь чащи аулами снова
Мелькает дороги петля.
Земля здесь, как люди, сурова,
А люди щедры, как земля.

Но вот уже Верхние Латы —
Сванетия вся за спиной.
И море встает у заката
Великой китайской стеной.

Разбиты палатки под кедром,
Разбиты над белой водой.
Стреляют палатки под ветром
И гнутся брезенты дугой.

А утром палатки забыты,
Затоптан костер до конца.
К зеленым подножьям Колхиды
Сойдете с хребта, как с крыльца.

Расстанетесь здесь торопливо,
Раздав адреса свои наспех.
И вот теплоход над заливом
Прохладной громадой, как айсберг.

Скрипучим подниметесь трапом.
И якорь ползет по отвесу
Мокрым коричневым крабом,
Железом гремя по железу.

Да здравствуют все перелески,
Покрытые мохом, как мехом!
И моря соленые всплески,
И всплески свободного смеха!

...Жара разлилась по Кавказу.
Срываются к пляжам нагорья.
И тысячи девушек сразу
Целует волна Черноморья.

ВОСПОМИНАНИЕ О ВОЙНЕ

По ночам горели гор зубцы.
Покидая семьи и жилье,
Уходили братья и отцы.
Все, кто мог, вставали под ружье.

Шли бои на ближнем перевале.
Было слышно в горной деревушке,
Как усталые хрипели пушки,
Но, привыкнув, их не замечали.

Тут не замечали и того, что
Целый день не разгибали спин.
Жаловались изредка на почту —
Больше не было особенных причин.

Землю выпахать и подоить корову,
Лес валить, прокладывая гать —
Для горянок все это не ново,
Детям легче с детства привыкать.

Но однажды возвращалось стадо,
Раньше времени тянулось почему-то,

И, к селу сворачивая круто,
Сгрудилось тревожно у ограды.

Хрипый, надрывающийся, долгий
Поднимался рев из котловины,
Где корову окружили волки,
Выбежав навстречу из лощины.

По привычке лаяли собаки.
Было некому спуститься и помочь.
Только дети. Только женщины во мраке.
Рев слабел. И наступила ночь.

Думая о братьях, о войне,
Мы притихли, стоя на опушке.
И слышней казались в тишине
Не смолкавшие ни днем, ни ночью пушки.

*

СТАРИК

Устало сбросив мотыгу с плеча,
Старик, кряхтя, присел у ключа.

Белый, как мельник, от пыли дорожной,
Черные ноги разул осторожно.

Склонился к воде, завернув воротник,
И, словно насос, закачался кадык.

Искося, как на стенные часы,
На солнце взглянул, вытирая усы.

Мокрый платок прилепил к голове,
Вытянул ноги на мокрой траве,

И, как-то притихнув, сидел над водой —
Большеголовый, смуглый, седой.

Задумавшись крепко не знаю о чем,
Долго сидел старик над ключом.

Смотрел, как играет зайчик луча.
И вдруг рукой зачерпнул из ключа.

В ладони большой, как чаша весов,
Воду держал, молчалив и суров.

Потом ладонь наклонил слегка,
Следя, как струйка стекает покорно.

Как будто рукой зачерпнув из мешка,
На вес и на ощупь попробовал зерна.

*

Эстонские батраки,
Богатством земля наша славится:
Посох воткнешь —

расцветет.

Она не могла не понравиться
От моря до сизых высот.
И вот они трут подбородки
Стоят

в придорожной пыли.

С землею мешают щепотки
Старинной эстонской земли.
Им дали наделы куцые,
Земля помогла урожаем,
И все-таки до революции
Мачехою

была им.

Сегодня в нашей Эстонке
Самые лучшие фрукты —
Персики и антоновки,
Лимоны и грейпфруты.
А сколько имеют

наград они

За годы упорной работы!
Эстонцы-виноградари,
Эстонцы-табаководы.
Я часто мечтаю, не скрою,
Время увидеть такое:
С неграми Южной Африки,
Как негры

черноволосы,

На светлой

грядущей фабрике

Работают эскимосы.

В гости пить пиво к ненцам
Запросто едут немцы.
Побывать желание имею
В жизни хотя бы однажды
Миклухой Маклаем
в Гвинее.

Но это мечта,
а пока что
Под самым под южным солнцем
В краю,
где синеют нагорья,
Живут поживают эстонцы
У самого синего моря.

*

ПЕРВЫЙ АРБУЗ

Над степью висит раскаленное солнце.
Сидят под навесом три волгодонца,
На степь глядят

из под навеса,
Едят с повышенным интересом.
Еще бы!

Ребята устали за день.
Рубашки к телу прилипли сзади.
А под столом в огромном ведре
Арбуз прохлаждается в свежей воде.
Фабричным клеймом

на кожуре
Кто-то старательно выскреб В. Д.,
Его на стол кладут осторожно,
С минуту, любуясь, не режут нарочно.
Он весь полосат, тугой и зеленый,
И так тяжел его сладкий сок,
Что заскрипел, едва скрепленный,
Стол из шершавых,
неровных досок.

Но вот в него нож
вонзился, шурша,

И брызнули косточки,
скользки и липки,
С треском выпрыгивая
из под ножа,
Как будто живые, черные рыбки.
Арбуз просахарен
от жары
До звонкой и тонкой своей кожуры.
Прохлада ознобом проходит по коже,
А ломкие ломти на соты похожи.
Влажной землей арбуз пропах,
Он, как снег под ногами,
хрустит на зубах.
И сочная мякоть его красновата,
Как снег, окрапленный
февральским закатом.
Еще степи пахнут паленой травой,
Еще на рубашке — пот трудовой,
Но с первой бахчи друзья принесли
Первый арбуз — благодарность земли.

*

ПИОНЕРЫ НА МАМАЕВОМ КУРГАНЕ

Волгою приехав из Казани —
Пионеры на Мамаевом кургане.
Смуглые, веснучатые дети
Раззвенелись, словно птицы на рассвете.

Только всех собрав у обелиска,
Наклонившись к аппарату низко
И треногу шаткую потрогав,
Их фотографировал фотограф.

А они сниматься не хотели,
Улыбались, хмурились, галдели,
На фотографа поглядывали косо,
Пионерок дергали за косы,
Мерили шагами след воронки,
За водой стояли у колонки.

И оспаривали жестяную кружку,
И осматривали каменную пушку.
Им вожатые о подвигах читали
Тех, что танкам шли наперерез...
А на детских лицах нет печали,
Только жгучий детский интерес.

Но, возможно, вспомнит смутно, смутно...
Кто-нибудь из них, как было трудно.

Год далекий... И лицо у мамы
Посерело, как бумага телеграммы.
Вспомнит на секунду — и довольно:
Дети забывают то, что больно.

Их, что учатся еще в любимой школе,
От забот свободных и от боли,
Их, мечтающих о землях неоткрытых,
О лесах, лианами увитых,
О зеленых волнах океана,
Грустными здесь видеть было б странно.

Разбрелись ребята по кургану.
Пароходик прогудел над Волгой.
Сумерки сгустились торопливые.
А на скатах ржавые осколки
Находили самые счастливые.

ДВОЕ НА МАМАЕВОМ КУРГАНЕ

На кургане, где войной когда-то
Камни перемолоты в щебенку,
У могилы неизвестного солдата
Целовал солдат свою девченку.

У влюбленных частые случайности,
У влюбленных не случайны крайности.
Шла девченка, через камни перепрыгивая,
Ведрами тихонько погромыхивая,

За водою шла она из дому.
Встретился в пути один знакомый —
Не знакомый, а любимый на дороге.
Сами вдруг остановились ноги.

Встретиться не думали вначале,
Встретились случайно. Помолчали.
Торопиться не имело смысла —
Положила наземь коромысло.

Целовались двое в час заката
Над могилой неизвестного солдата.

Долго, долго в сумраке, в тумане
Две фигуры на Мамаевом кургане.

Над могилой неизвестного солдата
Памятника лучшего не надо.

ЧЕШСКИЙ ЦИРК В СТАЛИНГРАДЕ

Бьет в глаза раскрашенный плакат:
Чешский цирк приехал в Сталинград.

Острые глаза свои прищуря,
Семечки грызя и балагуря,
Поедая тоннами мороженое,
Входит в цирк толпа неосторожная;

По-хозяйски озирается, садится,
На арену поворачивает лица
И, как ливень, замолкает, затихая.
На арене — акробатка молодая.

Вот она взбирается по лесенке,
Ладная и стройная, как песенка.
А под куполом — трапеция высокая.
Мы следим за девушкой с тревогою,
Самый трудный номер начинается:
Девушка под куполом качается.

Вдруг протрется тонкая веревка?
Вдруг в расчетах девушки ошибка?!

Над ареной запрокинута головка,
Над ареной запрокинута улыбка.
И лучей прожекторных сплетенье
Освещает белые колени,
Белые и круглые, как луны,
Акробатки юной.

И качается трапеция высокая,
И качается девченка синеокая!
Но внезапно руки опустив,
Девушка бросается в обрыв.

Развернулось тело, как пружина,
Рассекая воздух налету,
Головою вниз неудержимо
Падает, теряя высоту.

Ахнул цирк и на мгновенье замер...
Он старался удержать ее глазами,
Он привстал, чтоб девушку спасти
Сотни рук подставив на пути.

Капли пота на висках, как градины,
У людей глаза округлил страх.
Только — что это?
Уже на перекладине
Девушка с улыбкой на губах:

Дескать, не было причины волноваться вам,
Дескать, вовсе не привыкла я к овациям.
Пожимает узкими плечами,
Улыбается словацкими очами.

А над цирком не смолкает гром,
Эхо обрывается вдали.
Сталинградцы, помните ль о том,
Как давно-давно, в сорок втором,
Эту девушку вы все-таки спасли?

В ПОЛЕТЕ

Мы садимся с утра в самолет,
Мы уходим в далекий полет.
Но у многих душа, как лед —
Не смеется она, не поет.

Вот он сел в самолет, пассажир,
Дверцу плотно закрыл за собой.
Ты глаза изумленно расширь —
Это солнце рядом с тобой!

Но, прикрывшись газетным листом,
Грузно в кресле сидит пассажир.
Содроганье машины с трудом
Шевелит его. Он — пассажир.

Две профессии есть у людей,
Когда ветры бушуют над миром.
Есть пилоты больших скоростей,
Есть профессия — быть пассажиром.

Не хочу я в уютном тепле
Пассажиром начать свой маршрут,

Что, мотор расхвалив на земле,
Контрабандой берет парашют.

Жить хочу, высотой дыша,
Чтобы скорость не знала предела,
Чтобы раньше мотора душа
Приземляться в полете не смела!

*

ИСПЫТАНИЕ САМОЛЕТА

Почти над самой головой,
Почти над рыжею травой,
Как будто бы свалился с неба,
На солнце просверкнув свирепо
Стальным, стремительным клинком,
Шел самолет, роняя гром.

От горизонта к горизонту,
Как будто бы от фронта к фронту,
На синем, тающем стекле,
Как победитель на скале,
На небе он писал дымком,
Скорей всего писал о том,
Что он, рожденный на земле,
Сумел преодолеть, отважась,
Безмерную земную тяжесть.

И воздух рвался, как от гроз,
Провинчен скоростью насквозь.

Но столько было напряженья,
Когда он в небо лез в упор,

Что понял я — в его движеньи
Земли с пилотом трудный спор.

Невидимое шло сраженье,
Земля дыханьем вод и трав
Звала извечным притяженьем
И сдавливала, как удав.
Упругим ветром по капоту
Она скользила в нетерпеньи
И выступала в каплях пота,
Пилота пригвоздив к сиденью.

И вдруг, теряя с небом связь,
Сползая на бок, он пошел,
Как пулей скошенный орел.

Он падал, медленно кружась.
Он падал вниз, чертя кривую,
Беспомощным тупым углом.
Земля, победу торжествуя,
Неслась всей массой напролом,
В долинах, в реках, в клочьях дыма —
Знакомым обликом своим,
Боясь, что пролетит он мимо,
Вся развернулась перед ним.

Но самолет — он был во власти
Того, кто в руки взял штурвал, —
Он, небо ревом рвя на части,
Внезапно, как в приливе счастья,
С победным грохотом взмывал.

*

БАЛЛАДА О МАЛЬЧИКЕ, КОТОРЫЙ СПАС СПАРТАКА

Давным давно уснул весь дом...
Раскрыта настежь книжка.
Ее читает за столом
Взволнованный мальчишка.

... Идет Спартак в последний бой,
Последнею тропой,
Под барабанный бой с трубой,
Под барабанный бой.

Сидит мальчишка за столом.
И в тишине ночной
Как будто рядом, за углом
Он слышит этот бой.
Пригнали легионов тьму,
На каждого — десяток.
И крикнуть хочется ему:
Неправильно! Нельзя так!

Теснит Спартака легион.
И с четырех сторон

Он римлянами окружен.
Все брошено на кон!

Но не прорваться на скаку
Сквозь заросли болот...
Ах, если б в помощь Спартаку
Один бы пулемет!

Но делает последний шаг...
В своей крови скользя,
Приподнимается Спартак,
Врагу мечом грозя.
К себе друзей зовет Спартак,
Но где его друзья?

Над ними пыль и облака,
Им на земле не сыро.
Они не видят Спартака,
Не слышат командира...

... За окнами редеет мгла.
Прочитана вся книжка.
Тихонько встал из-за стола
Взволнованный мальчишка.

Болит от горя голова,
Но в сердце гнев бушуя,
Сквозь зубы выдавил слова:
— Проклятые буржуи!

Усталый, но непокорясь
Тому, что нет героя,

Он спит, к подушке прислонясь
Заплаканной щекою.

И снова бой звенит в ушах,
И кто-то мчит в погоне,
И чьи-то кони в камышах,
Оседланные кони.

Спартак один. Спартак устал.
Он ранен вновь, Спартак.
Все было так, как прочитал, —
И все-таки не так.

Когда враги рвались вперед,
Загнав коней косматых,
Красногвардейский пулемет
Шарахнул из засады.

И бушевал сквозь ночь и мрак,
Товарищей сзывая,
Спасенный мальчиком Спартак,
Похожий на Чапая.

*

СТАРЫЙ ТАНК

Я видел танк в лесу. Разбитой головой
Припал к сосне он, скорчившись от страха.
Как ребра гусеницы обросли травой
И он лежал гигантской черепахой.

И странною казалось для глаза,
Что эта груда неуклюжего железа
Ползком прошла Россию до Кавказа
И сдохла здесь, не выбравшись из леса.

Но сколько самых горьких новостей
Вошло навек в любимые дома,
И сколько детских перемолото костей,
И сколько матерей сошло с ума!

Горящих зданий отсветом облитый,
Он шел на нас, вытягивая хобот,
Столетние продавливая плиты,
Шел на Восток по мостовым Европы,
Людей загнав в землянки и окопы.

И люк открывши и открывши рот,
Танкист, пожаров запахи вдыхал,
Слезал с брони, мурлыкая фокстрот,
И шел ломать, что танк не доломал.

И цель стрельбы — его всей жизни цель.
Как танк, он чисто делал свое дело.
И кругозор, как смотровая щель,
Был узок и приплюснут до предела.

Как бронированный, в лоснящейся кожанке,
В подбитых сапогах, в тяжелом шлеме.
Не женщины — таких рожают танки,
Людей автоматическое племя.

...Танк шел сквозь лес, подмяв стволы берез,
И звенья гусениц промазанных покорно
Тянули, чавкая. Теперь он в землю врос
И сквозь железо пропоролась корни.

Кто слышать мог его предсмертный рев,
Когда заглохла жизнь в моторном пульсе?
Но сбитый набок броневой покров,
Но мертвый зев разорванных стволов
Хранил следы его живых конвульсий.

Креста отек тускнел на краске серой
Гноящеюся раной желтоватой.
Он был наказан самой высшей мерой —
И он, и тот, кто в нем сидел когда-то.

... Когда войны последней черный дым
Рассеется под небом голубым,
И руки белые по локти оголя,
Как женщина, любимая земля

Перебинтует след траншей и травм
Зелеными бинтами вечных трав,

Далекие потомки напоказ
Поставят танк войны последних лет
В музее ископаемых богатств,
Как первобытный ящера скелет.

ДОБРОЕ СЛОВО

Человек рожден для дерзання,
И не он виноват, а враги,
Если тысячи всяких терзаний
Замедляют его шаги.

С этажей учрежденья большого
Он сошел. Он проходит квартал.
Канцелярской машиной изжеван,
Бедный, бедный верблюд, он устал.

Он устал. Не хватает силенок.
Что же делать! Приказ есть приказ.
И проект — его смелый ребенок —
Он отвергнут в стотысячный раз.

Неуверенными шагами
Человек тротуаром прошел.
Словно это не грунт под ногами,
А паркетный директорский пол.

Я его понимаю немного.
Он товарищ, сограждане, мой,
Он в буфет завернет по дороге
Перед тем, как вернуться домой.

Разве стопка нужна ему, люди,
Опрокинутая для храбрости?
Люди, люди, хорошие люди!
Ваше доброе слово, по сути,
Веру в дело вернет ему, люди,
Золотая пылинка радости.

* * *

Румянец юности давно слетел со щек,
А жизнь не так проста и нелегка.
Их возраст девичий колеблется еще
От двадцати пяти до сорока,

И на вопрос, порою грубоватый,
Они отводят вдруг смущенный взгляд.
Они, как будто в чем-то виноваты,
О том, что одиноки, говорят.

Кто знал, что те мальчишки невлюбленные,
Смешные сочинявшие стихи,
Они и есть боями опаленные,
Не ставшие мужьями женихи.

Кто знал, что имена ребят веселых,
Знакомые так просто и так близко,
На черных партах нацарапанные в школах,
На белых повторяются обелисках.

В сухих, колючих землях Сталинграда,
Под черноземом украинским спят

Не только юные, безусые солдаты,
Спят неродившиеся дети тех солдат.

Ты говоришь: живые — не в долгу,
Войной — война и льется кровь мужская.
А я смотреть спокойно не могу,
Как женщины чужих детей ласкают.

*

Я вижу, как двое расстанутся на вокзале.
Все, что нужно было сказать,
Они друг другу сказали.
Теперь им не о чем говорить,
Значит лучше всего закурить.

Кто они?
Может быть братья?
Может быть друзья?
Разобрать нельзя.
И не все ли равно?
Расстанутся они не на несколько дней,
Не на месяцы, не на года,
Нет, им сегодня гораздо трудней —
Расстанутся они навсегда.

Сколько раз
На зеленой лужайке
Мелькали их красные майки —
Двое нападающих и мяч футбольный,
Два друга из детской команды школьной.

Сколько раз,
Наклонясь,

Пили воду из одной, из дорожной колонки,
И, обнявшись, стояли
В тряском кузове пыльной трехтонки.

И, влюбившись однажды,
Не рассорились из-за девченки.
Расставаться тогда не находили причины.
Не расстаются мальчишки,
Расстаются мужчины.

Я вижу, как двое расстаются на вокзале.
Все, что нужно было сказать,
Они друг другу сказали.
Теперь им не о чем говорить,
Они пытаются закурить.

И неловко поправив ремень вещмешка,
Уезжающий говорит: «Ну, пока».
Закуривает, ломая спички...
— До свиданья! — отвечает ему по привычке.
— До свиданья! — говорит остающийся на
 перроне,
По привычке говорит без иронии.
Просто — до свиданья — расставался каждый,
А навсегда расстаются однажды.

Вы смотрели когда-нибудь
Уходящему поезду вслед,
Когда кто-то из близких
Уезжает от вас навсегда?
Вы смотрели когда-нибудь
Или нет
Уходящему поезду вслед?

В зимнюю ночь, в холода?
Клубы дыма свиваются в петли
И кажется — поезд медлит и медлит...
Кажется — броситься, если вдогон,
Еще успеешь в последний вагон.

Но человек, что стоит на перроне,
Ни шагу не сделает, ни слова не обронит.
Тот, кто, уезжает,
Куда б он ни ехал, —
Расстоянье ему не помеха.

Тот, кто остается,
Даже если смеется,
Поверьте, друзья, ему тяжело.
Может, с новой работою не повезло,
Может, молод еще, непутевый.
Но, поверьте, — сегодня ему тяжело.
Это так,
Поверьте на слово.

Вы видите, как он глядит на пути?
Вы видите, как он стоит на ветру?
К нему не могу я не подойти.
Я его тормошу,
И об этом пишу,
Я за руку человека беру.

— Я видел, — говорю, — ты с другом расстался, —
Товарищ уехал, а ты остался.
Ты должен со мною побыть эти дни.
Ты, наверно, очень устал.

Что же, устает и металл.
Передумай все, отдохни.
Я не оставлю тебя в эту ночь,
Я же знаю тебя, говорю не врагу.
Может, надо тебе помочь?
Хочешь, друг, я тебе помогу?

Я хочу, чтобы человеческой ласки
Человек этот не был лишен.
Я хочу, чтоб свидетелем трудной развязки
Был не только пустынный перрон.

*

СЛУЧАЙНЫЙ ЗНАКОМЫЙ

Сколько встреч по городам, по рекам!
Неужели позабудутся потом?
Я сегодня вспомнил человека,
С кем сидели за одним столом,
С кем мы встретились в дорожной чайной
В снегопад, в распутицу — случайно.

Мы оглядывали, как друзья, друг друга.
От того ли, что пришли к огню?
Может быть виновна эта вьюга?
Это грустное районное меню?

Руки грели над одной времянкой,
Хлеба съели чуть не полбуханки,
От мороза хлопнули по стопке,
Закурили из одной коробки,
Чаю выпили стакана по три —
И друг другу улыбнулись бдро.

И забыв про снегопад и грязь,
Мы сидели с ним, разговорясь.

За окном метель мела все глуше.
Навсегда запомнил я, друзья,
Его храбро растопыренные уши,
Его умные и грустные глаза.

А к двенадцати — от печки ли истома, —
Нас обоих одолела дрема.
Я сказал, что целый год кочую
И не знаю, где сегодня заночую.

От усталости, от печки ли истома, —
Я сказал, что писем нет из дома.
Он ответил: — Будут обязательно!
Адреса надписывай старательно.

И согретье не только пищей,
Мы пошли искать себе жилище.
Он занял в гостинице кровать,
Я в райком уехал ночевать.

Где теперь он? С кем напьется чаю?
Папирс каких вдыхает дым?
Я о нем по-человечески скучаю.
Встретиться хотелось бы мне с ним.

Почему ж не стали мы друзьями,
Почему не обменялись адресами?

*

НОЧНАЯ ЛОВЛЯ РЫБЫ

Такой тоски не протоlochь,
Не пронести сквозь ночь ее.
Впервые с нею в эту ночь
Я встретился воочию.

Казалось: ветви всех дерев
Стучали костью о кость.
Была тоска. Тоска без слов.
Тоска и одинокость.

Огромный берег был пустой.
Но, вглядываясь пристальней,
Я вдруг заметил: над водой
Стоит рыбак на пристани.

Тогда я на него пошел
Печаль развеять сущую.
Вставал прямой дорогой мол,
В морской обрыв ведущую.

Рыбак. Он трубочку сосал.
Большой канат разматывая,
Он сети в море окунал
Мерцающие, матовые.

Его улов был небогат.
Он так сказал об этом:
— Я к ночи ожидал накат,
А вот наката нету.

И хоть я понимал едва ль
Рыбацкую примету,
Мне стало почему-то жаль,
Что вот наката нету.

Он снова сети потянул,
Канат перебирая.
Он был высок, и был сутул,
И прочен был, как свая.

И вдруг забились на сетях,
Играя в полусвете.
Держали рыбу, как в цепях,
Капроновые сети.

Она сверкала, как металл,
Она металась в страхе.
Рыбак сачок свой приподнял
И задержал на взмахе.

Но прежде, чем мелькнул сачок,
Серебряною змейкой
Рванулась рыба, как-то вбок
И — в море, сквозь ячейку!

Был всплеск паденья словно крик
О радостном спасении.

Метнулась под водой на миг
Испуганная тень ее.

И одинокая рука
Сачка сжимала палку.
Мне было жалко старика,
И рыбу тоже жалко.

В досаде не сжимал кулак,
Но, сети опуская,
Сказал задумчиво рыбак:
— Игла.. Она такая.

Но все же стало тяжело,
Неловко как-то стало —
Как будто море подвело,
Надежд не оправдало.

Вся ночь впустую напролет.
Я думал: не иначе
Вот так вот в жизни не везет,
Бывает — нет удачи.

А где-то в море катерок
Заторкал вдруг спросонок.
В лицо ударил ветерок,
Играя как ребенок.

Потом порозовела даль,
Погасло побережье.
И вдруг с волной пошла кефаль,
Пошла с волною свежейю.

Рыбак, не разжимая скул,
Потряхивал кошкой.
Я к рыбе руку протянул —
Она казалась шелковой.

Рыбак забрасывает сеть
В таинственность подводную.
Хотелось руку мне согреть,
Твою согреть, холодную.

Рыбак добился своего —
Завидую на миг ему.
Учиться надо у него
Терпению великому.

... Над нами неба бледный свет,
Под нами моря всхлипы.
Но входит медленно в рассвет
Ночная ловля рыбы.

*

ПОИСКИ ЛЮБИМОЙ

Может просто нелюдимая —
Сторожит свое жилье,
Где сейчас моя любимая?
Вы не видели ее?

Я искал тебя по адресу —
Только выбыл адресат.
Я б искал тебя по атласу —
Только атласы молчат.

Я искал тебя по округу,
Я искал твои глаза.
От водительского окрика
Вздрагивал у колеса.

Лишь тобой однажды раненный,
От одной тебя зависим,
Ждал, востребуя заранее,
Твоих писем, твоих писем...

Как я ждал, что вон из ящика
На любовь мою само

Выскользнет зеленой ящеркой
Долгожданное письмо!

Может время проворонено
И тебя я не сберег?
Коль иглою в стог уронена —
Я сожгу проклятый стог.

Но печалью не поборотый,
Все сомненья перебрав,
Я вверх дном поставлю город твой,
Обыщу, как старый шкаф.

Я УЕДУ НА СЕВЕР...

Я уеду на Север,
Где, как льды, облака,
Где беседу о севе
Обрывает пурга.

Будь к разлуке безжалостней,
Дверь плотнее прикрой.
Успокойся, пожалуйста,
И друзей успокой.

«Нет, меня не тревожит он, —
Ты скажи им без смеха. —
То, что прожито — прожито.
Он на Север уехал».

Буду ветер транзитный
Слушать ночью в вагоне
И курить ненасытней,
Обжигая ладони.

Но мой лоб воспаленный
От тоски ядовитой,
Остудит ли зеленый
Океан Ледовитый?

* * *

Прощаемся — мешают фонари.
Встречаемся — еще на небе солнце.
Проходим сквозь какие-то дворы,
Какой-то улицей спускаемся уклонцем.

О чем мы говорим?
Забыл давно!
А что смотрели мы с тобой в кино?
А с кем мы познакомились в гостях?
Не помню я. Но это же — пустяк!

Зато глаза — я помню хорошо,
Твои глаза я не забыл еще.
Они зеленоваты и раскосы.
И запах моря помню хорошо —
Морским прибоем пахнут твои косы.

Встречаемся — еще на небе солнце.
Прощаемся — мешают фонари.
Проходим сквозь какие-то дворы,
Какой-то улицей спускаемся уклонцем.

И вдруг — пора! Мне ехать по делам.
Я на прощанье только руку дам,

И ты протянешь узкую ладонь,
Как будто говоришь: — Попробуй, тронь.
И у крыльца мы постоим немного.
А там — вокзал и долгая дорога...

Я вновь в пути. Летит степная гладь.
И в сотый раз я говорю устало, —
Чтоб думать обо мне не перестала!
Я должен на прощанье обнимать!
Но подожди! Мы встретимся опять!

Мы встретимся, наверно, по другому.
Я, наконец, тебя застану дома.
Глаза зеленые поймаю я глазами,
И обниму тебя, не погасив огонь,
Вольней, чем ветер обнимает знамя,
Тесней ладони, обнимающей ладонь.

*

ЮЖНЫЙ БЕРЕГ

Входит лето в густые орешники,
От весны отучив человека.
А в петлицах у женщин — подснежники,
Никогда не выдавшие снега.

Я скучаю по вашему северу,
И по вашим веселым глазам,
И по вашим прохладным лесам.
Здесь не встретишь русского дерева.

Даже моря, что бьется поблизости,
Мне сегодня ваш север дороже.
... Кто-то яблони выбелил известью,
На березки стали похожи.

ЧТО Ж, ПОРА РАССТАВАТЬСЯ..

Что ж, пора расставаться! Свисток повторенный
Повторяет о том, что не нужно оглядки.
Я не буду стоять на досчатом перроне,
Ты платком не помашешь с вагонной площадки.

Но наверно сейчас от колесного стука
Сердца стук заглушит, оглушит навсегда.
Не окликнув друзей, не прощая друг друга,
Разойдемся, как ночью в пути поезда.

Но не будем скучать! И об этом — довольно!
Ведь такое случается в жизни не часто.
И не все ли равно тебе — больно, не больно?!
Так решили — и кончим на этом! И баста!

И не надо писать, ради бога, ни звука.
Пусть от прошлого каждый теперь независим.
Если в жизни смогли обойтись друг без друга—
Как-нибудь обойдемся без писем.

*

* * *

Был душный вечер в Ботаническом,
Грозу готовила стихия.
Почти искрились электричеством
Глаза и волосы сухие.

Запахло порохом и палом,
И, словно облегченья вздох,
По крышам, по скамьям, по шпалам
Во мгле рассыпался горох.

Грозой абхазской изумленная,
Напуганная не шутя,
Ты, словно веточка зеленая,
Отряхивалась от дождя.

А мне волнение незрячее
Кровь раздражало и томило,
А тело тонкое, горячее
Промокшим платьем облепило.

Склоненные деревьев купы,
Как всадники, сквозь мрак рвались.

Но не от страха — губы в губы,
И не от ветра — обнялись.

Запомнилось: летит, танцуя,
На плечи сбитая косынка,
Да выпитая с поцелуем
Солоноватая дождинка.

* * *

Ты помнишь? Мы в зарослях. Сбились с дороги.
Синеют вдали перелески,
А папоротник тени бросает под ноги •
Сквозные, как тень занавески.

Ступаем по травам горячим и юным,
В кустах продираемся боком.
Я громко свищу, чтобы вдруг на змею нам
Не наступить ненароком.

Всплывают и тают в густой синеве
Нагорных туманов кочевья.
И, кажется, — это не птицы в листве,
А сами щебечут деревья.

Я крепко сжимаю дрожащую руку.
Я чую начало тревоги.
Но нам ни за что не признаться друг другу,
Что больше не ищем дороги.

И искоса бьющий, как свет из-за тучи,
Который погаснет сейчас,
Глядит на меня любопытный и жгучий
Твой милый каштановый глаз.

Мы слушаем, лежа, смежая ресницы,
Сонных кустов шелестенье.
Зеленые тени ложатся на лица,
Зеленые, знойные тени.

Ты вспомни про это — и сумрак задышит,
Запахнет курчавый самшит...
Но горько мне как-то. Все тише и тише
Тот ветер в кустах шелестит.

Я знаю — с тобою чужой человек.
Он ходит, регланом скрипя.
Он дарит цветы. Он курит «Казбек».
Он думает — знает тебя.

Он пиром отметит свое торжество,
Родне и друзьям — напоказ.
Но он никогда не увидит его,
Тот жаркий каштановый глаз.

ХОЛОД

Заполночь.

Холодно, холодно мне!

Звонко звенят шаги в тишине.

И вдруг — человек на садовой скамье.

Зачем он здесь? Зачем не в семье?

Или морозная ночь — родней?

А может быть дома ему холодней?

Но как этой ночью он будет согрет

Утлым теплом — огоньком сигарет?

✽

ОШИБКА

Беды ли предчувствие это —
Я должен его превозмочь.
Ошибка допущена где-то.
И сон не приходит всю ночь.

Покамест она не исправлена,
Нельзя собираться мне в путь.
И то, что в дорогу отправлено,
Я должен с дороги вернуть.

Наверно, я жил без оглядки,
Сегодняшним слишком и личным, —
И стали в делах беспорядки
Порядком казаться обычным.

Но верил я в дружбу большую,
И в ваши открытые лица.
Так что же — вниманья прошу я,
Вы тоже могли ошибиться.

Не спится... Отброшена книга...
И мысли кружатся, как птицы,

И рвется до зверьего крика.
Вы тоже могли ошибиться!

Не спится... Но я не об этом,
Я вижу и друга и гада.
Есть время еще до рассвета,
Во всем разобраться как надо.

СПОКОЙСТВИЕ

Ни водкой именуемое пойло,
Ни время, ни разлука, ни тоска,
Ни собственность, ни собственное стойло,
Ни гроба пресловутая доска —

Нет, нас не успокоит никогда
Слепорожденное спокойствие крота;

Голубоглазое спокойствие глупца,
Как люк завинченный, спокойствие тупицы,
Спокойствие банального конца,
И вероломное спокойствие границы;

Спокойствие в отсутствующем взоре
Чиновника, что перья источил,
На пресспапье врывающегося в море
На полстраны разлившихся чернил;

Спокойствие улыбки, что с лица
Снимается спокойно, как перчатка;
Спокойствие льстеца и подлеца,
И мнимое спокойствие порядка;

Спокойствие под черепной корою,
Где взвешены расчеты грошечные,
Где как под камнем, опрокинутым ногою,
Закопошатся черви дождевые.

... Нам жить и жить.
Нам против ветра петь,
Когда миры ломаются и рвутся.
Так можно ли спокойствие терпеть
Наследникам великих революций?!

ОГОРЧЕНИЕ

Спором незаметно увлеченный,
Я сказал ненужные слова.
Он замолк и поглядел смущенно,
Словно узнавал меня едва.

Он не перебил меня сердито,
Только постоял в молчаньи грустном.
И ушел.
Но я каким-то чувством
Понимал — он не забыл обиды.

А теперь, хоть город весь обегай.
И проси прощенья, как милость.
И не думал я обидеть человека —
Как же так неловко получилось?

НЕЗНАКОМЫЙ ПОЛУСТАНОК

Белым паром в небо темносинее
Фыркнул паровоз разгоряченный,
И поплыли между тонкими осинами
Пыльные московские вагоны.

Тихая деревня за вокзальчиком.
Первые огни на полустанке.
Мальчик у пруда. Собака с мальчиком.
Лошади пасутся на полянке.

Распахнулись окна у диспетчера.
На платформе в сумраке неясном,
В теплом сумраке летнего вечера
Растворяется девушка в красном.

ПАРТОРГ

Седая голова парторга,
В угрюмой складке сжатый рот,
И без плакатного восторга
Глаза, глядящие вперед.

Себя бессоницей замучай,
Перешагни, не пнув ногой,
Канцеляриста труп живучий —
Тот труп кусается порой.

Как агроном, за земли эти,
За каждой борозды отвал,
За души тех он здесь в ответе,
Кто эту землю распахал.

Он знает, знает эти души.
Он видел все. Он был не слеп.
Они, как дети, мерзли в стужи,
Они жевали горький хлеб.

У глаз его не без причины
Великим графиком невзгод

Провел железные морщины
Сорок шестой голодный год.

Очнулась от войны Россия.
Был май не легким рубежом:
В земле — убитые,
Живые —
В землянках, выше этажом.

... Откуда-то — не из подвала ль? —
Дымок струится... Пышут чурки.
Войдет, осмотрится, бывало,
Присядет молча у печурки.

Ну, что он скажет в той каморке,
У пепелища деревень?
Хозяин в драной гимнастерке,
Рукав заложен за ремень.

А грубый стол хозяйкой вымыт,
А нары старые в углу.
Хозяйка чугунок подымет,
Парторга пригласят к столу.

Но, отказавшись от похлебки,
Не то, чтобы не по нутру, —
Хлебнет с хозяином по стопке,
Закрутит медленно махру.

Ах, как хотел он, чтоб хозяин
Увидел бы под жарким небом,
Как задыхается комбайн,
Захлебываясь нашим хлебом!

Пускай же зной лицо иссушит.
Пусть поседеет голова,
Чтоб, как глаза живые, в души
Глядели лозунгов слова.

Да, словом и хребтовым потом
Он заработал право впредь
В глубокие глаза народа,
Не опуская глаз, смотреть.

*

СОЛНЦЕ, ДЕВУШКИ И ДЕТИ

Грянул в окна мокрый ветер,
Чую запах путешествий.
Солнце, девушки и дети —
Здравствуйте! Мы снова вместе.

Это каждый понимает,
И любому по карману:
Полпланеты принимает
Утра солнечную ванну.

Солнце в сердце накопите,
Дайте сердцу освещенье.
Не шумите, погодите, —
В жизни могут быть затмения.

Сумрак в доме будет зыбок.
Загрустите на балконе.
Но в запасе — сто улыбок,
Сто улыбок — тоже солнце!

Ты улыбкой осветилась
Юно, трепетно, тревожно.

Не у солнца ль научилась?
Ведь придумать невозможно.

Это солнце, что в зените,
Каждой девушке на свете
Не ленитесь, подарите —
Будут солнечные дети.

Дети тоже с солнцем дружат,
Солнце — рыжий друг детишек,
Если нет, так почему же
Ловят солнечных зайчишек?

Ловят рыбу по затонам,
Храбрые бредут лесами
И глядят на мир зеленый
Следопытскими глазами.

... Мне порой бывает больно,
Как и всякому на свете.
Все же улыбнусь невольно
Солнцу, девушкам и детям.

Только нищий на панели
Не глядит на небеса.
Надо жить, чтоб сами пели
Солнцем пьяные глаза.

Только так вот, даже если
Загустеет кровь от соли.
Оседают время в песне,
Человека жизнь — тем боле.

Если пахарь кинул семя —
Камень шевельнет росток.
Пусть разматывает время
Сердца золотой клубок.

Будет солнце в белом дыме
Ясной осенью янтарной,
Будет тише и значимей
Листьев шорох календарный.

Каждый лето отпирует,
И друзей любимых лица
Время так загримирует —
Ни побриться, ни отмыться.

Девушки уйдут из писем,
Дети вырастут другие.
Солнце, солнце, улыбнись им!
До свиданья, дорогие!

*

АБХАЗСКАЯ ОСЕНЬ

Дай бог такой вам осени, друзья!
Початки кукурузные грызя,
Мы у огня сидим,
Ленивый дым,
Закручиваясь, лезет в дымоход
И, глядя на огонь, колдует кот.

Дрова трещат и сыплются у ног,
Как с наковальни яростные брызги.
Замызганный, широкобокий, низкий
К огню придвинут черный чугунок.

Мы слушаем, как в чугунке торопко,
Уютно хлюпает пахучая похлебка.

Золотозубая горою кукуруза
Навалена почти до потолка,
И наша кухня светится от груза
Початков, бронзовеющих слегка.

А тыквы уродились — черт-те что!
Таких наверно не видал никто:
Как будто сгрудились кабаньи туши,

Сюда на кухню забредя от стужи,
Они лежат вповалку на полу.
Глядишь: вот-вот захрюкают в углу.
И прежде, чем варить их над огнем,
Те тыквы разрубают колуном.

Нанизанные на сырой шпагат,
На гвоздике у закопченной дверцы,
Как ленты пулеметные, висят
Три связки перца.

Крестьянский перец выжигает рты,
Он учит нас ценить глоток воды.

Я перец ем. Вздыхаю и терплю.
Но красный цвет его мне по сердцу. Люблю.

Вот до поры всю силу свою пряча,
Блестит в графине розовая чача.
А только рюмку опрокинешь в рот —
Ударит в грудь. Дыханье оборвет.
И на секунду горла поперек
Стоит, как раскаленный уголек.

Над медленным огнем сидим. Глядим.
Желтеет пламя. Голубеет дым.
Мы не спешим. Мы пьем за чаркой чарку,
Как мед густую, сладкую мачарку.

Хозяин говорит мне
(Да не сразу,
Задумчиво, спокойно взвесив фразу):
— Вот так за лето не сидел ни разу.

А ныне — все! Хоть на голову снег!
Ломай чурек,
Свободный человек!

А скажешь так: — С хорошим урожаем!
Вы крепче всех как будто. В чем секрет?
Плечами жмет: мол, сами не рожаем,
Земля дала. Мы что?
И весь ответ.

Зато не плакался в том памятном июне,
Хотя ходил, от горя как чугунный,
Когда поля насквозь спалило солнце
И все колодцы выпило до дна.
Сегодня ж чарки выпиты до донца.
Есть мужество терпенья, старина!

Мы у огня сидим. Мы не спешим.
Желтеет пламя. Голубеет дым.

Вдруг — настезь дверь. И прямо из тумана —
Им хоть по снегу бегать босиком —
Ребята входят. Ведрами каштаны
Несут с собой. И следом — ветер в дом.

Сейчас в лесу во всей осенней мощи
Багряные каштановые рощи.

Каштаны летом покрывают ежики,
Дотронешься — уколешься нежданно.
Придумала природа эти ножики,
Чтоб до поры не трогали каштаны.

Теперь колючая распалась кожа
И сыплются каштаны изнутри.

В такие дни, вставая на рассвете,
Их собирают дети и медведи.

... Огонь поленья лижет, языкат,
А в кухне запахам от запахов тесно.
Вином попахивает поздний виноград,
И виноградом — раннее вино.

Дай бог такой вам осени, друзья!
Дай бог вот так сидеть вам у костра,
Каштаны ли, орехи ли грызя,
За тихую беседой до утра.

РАССКАЗ О БОЧО

1.

Здравствуй, Бочо!
Сколько лет, сколько зим!
Мы случайно на улице встретились с ним.
Раздвинув ноги,
Высокий,
Бочо стоит на улице.
От жаркого солнца
Сладко жмурится.
— Ого, — говорит он, —
Надо дернуть по случаю встречи!
И молча тянет в винный подвал.
Бочо не терпит противоречий,
Тем более я и не протестовал.

У друзей справляясь о друзьях,
Я в город родной приехал на днях.
И вот что о Бочо сказали друзья,
Сказали такое — поверить нельзя:

Бочо, вечно дымивший окурком,
Стал в городе лучшим хирургом.

В родном городке
Он со всеми накоротке.
Крестьяне его узнают на рынке,
Приглашают на свадьбы и на поминки.

А матери детей районных,
Спасенных им ребят,
С него не сводят глаз влюбленных,
О нем с почтеньем говорят.

2.

И вот, вдыхая табачный дым,
В прохладном подвале сидим.

Я вспоминаю юность
В кругу друзей и родни,
Я вспоминаю школьные дни,
Если даже не день за днем —
Ведь немало случилось потом, —
Юность товарищей и свою
Я вспоминаю, я узнаю.

Я вспоминаю классы
Девятые и десятые.
Я вспоминаю годы
Прекрасные и угловатые.

Вспоминаю коридорные своды,
Потемневшие от коптилок,
И огарки оплывших свеч,
Торчащие из бутылок.

Это — школа последних дней войны
И первых дней тишины.
За черными партами — загорелые ученики.
Это мы —
Широколапые, неуклюжие щенки.
И оттуда Бочо встает в отдаленьи,
Как царь из царства
Свободы и лени.

Отец у Бочо — русский,
Покойная мать — абхазка.
Бочо — единственный сын
Гончарного мастера,
Бывшего подпасака.

У Бочо волос вьется,
Как горная тропа.
У Бочо голос льется,
Как школьная труба.

Поглаживая волосы,
Он говорит о своем голосе:
«Когда Бочо, просыпаясь, чихает поутру,
Милиционеры хватаются за кобуру».

Отец день-деньской
За городом в мастерской.
Бочо всегда один,
Сам себе — господин.
Что же делает Бочо?
Делает все, что хочет!

Бочо любит только собак,
И они от него ни на шаг.
Собаки всякой породы —
Красивые и уроды,
Собаки всякой марки —
Охотничьи и овчарки.

А в охотничий сезон
Бочо теряет сон,
Бочо встает чуть свет:
Ружье через плечо,
Сам — на велосипед,
Собаку — на руку (чтоб не устала),
И она сидит, не смущаясь нимало.

Сам в седле
В бандитской шляпе,
У пса на руле
Мохнатые лапы.

Не до учебы тут,
Не до шуток.
Бочо стреляет уток,
Бьет перепелов,
Готовит плов,
Приглашает друзей:
Кушай, пей
Кто что хочет —
Угощает Бочо!

После охоты, бывало, без сил
Бочо до школы едва доходил.
Не глядя на доску,

Не глядя на карту,
Сделав из книг подушку,
Бочо ложился на парту.

Или, достав из кармана лягушку,
Распарывал ей брюхо,
Прикладывал ухо
И слушал, как бьется сердце.
Не верите?
Предлагал увериться.

Зимой и летом,
Легко одетый,
Приходит в школу он впопыхах,
И всегда — сандалии на ногах,
В сандалиях при любой погоде —
И дома, и в школе, и на охоте.

Их преимущество ставя на вид,
Бочо нам говорит:
«Сандалии легко снимать,
Сандалии легко одевать,
В сандалию ложится нога,
Как человек в кровать».

Но однажды —
И это заметил каждый —
Бочо в школу пришел угрюмый,
А на лице — ни кровинки.
Зато (что это?!) в новом костюме,
На ногах сверкают ботинки.
Обновы своей стыдясь,
Бочо ходит, не глядя на нас.

— Что случилось? — спрашиваем его.
А он отвечает нам: — Ничего!
Ничего, — говорит, и проходит мимо.
Ничего, — говорит, отпуская ресницы.
Идя навстречу пожеланиям любимой,
Что же, — говорит, — пришлось согласиться.

Да, Бочо влюбился.
И хоть всем удивительно —
Это было,
Случилось действительно.

Бочо однажды стоит на улице,
От жаркого солнца сладко жмурится.
И вдруг, как в сказке, — девушка навстречу.
Пока не заметил ее он,
Замечу:

До этого случая,
Покажите самую лучшую,
Самую расчудесную девушку —
Бочо скажет: «Где уж там!
Они любят, чтоб перчатки на лапах,
А от меня лошадиный запах».
Но почему-то на этот раз
С девушки Бочо не сводит глаз.

Девушка на почту вошла —
Бочо следит из-за угла.
Девушка — в магазин,
Бочо — у витрин.
Девушка — по улице,
Бочо — следом за ней.

Девушка заметила,
Девушка хмурится.
Бочо — за ней.

Девушка ускоряет шаг.
Как бы не так!
В подворотню. —
Хоть в преисподнюю!
По лестнице — вверх.
Дверь, как на грех.
Девушка дверь — толчком.
Следом Бочо — молчком.
Раз! Перед носом захлопнулась дверь.
Поговори-ка теперь!

Но Бочо решил: адрес есть,
Незачем лезть.
А через несколько дней
Друзья его видели с ней.

Вот и первая любовь...
Ах, первая любовь!
Я — тоже ее бывший герой.
Я бы в памяти повторил ее вновь,
Если б не было за первой второй.

А в школе у Бочо неважны дела.
Он сидит на задворках,
Он бредет от кола до кола,
Редкой удачей — пятерки.

И хоть математик
Говорит каждый день:

«Бочо — романтик,
Помноженный на лень».

Его ругают комсорги,
Его ругают физорги,
Его ругают секретари
На все корки
От зари до зари.

А с Бочо критика, как со слона вода:
Не оставляла следа.
Бочо с критикой соглашался,
Бочо величественно улыбался —
И таким же, как был, оставался.
— Бочо, в субботу собрание!
— По субботам в бане я.
— Бочо, поход по изучению крепости...
— Что за нелепости?!
— В театр в понедельник!
— Нету денег.
— Посещение музея...
— В кино веселее!

И однажды из школы его изгнали,
Но это тронуло Бочо едва ли:
Выписку из приказа
Он пробежал одним глазом,
Журнал «Огонек» перелистывая,
Под нос себе что-то насвистывая.
Такой же как был — спокойный, веселый —
Бочо вышел из школы.

А через две недели
Мы вместе в классе сидели.
«Восстановили, — говорит, — заново,
Учили заслуги отца-партизана».

Друзья его брались увещевать,
Но Бочо ничего не любил обещать.
Он не то, чтобы хвастал,
Но так говорил нам часто:

«Школа мне не к лицу,
Учусь из уваженья к отцу.
Не затаюли б сюда и арканом,
Да жаль расстраивать старикана.

Бочо живет сам по себе,
Бочо идет по своей тропе,
Своя дорога, свой путь.
Не пропадет как-нибудь!

Бочо сам себе хозяин.
И хоть уважает друзей,
Но Бочо учить нельзя им,
Он сам их научит скорей.

Бочо захочет — пойдёт в кино.
Бочо захочет — выпьет вино.
Захочет — плюнет в окно».

..Его снова ругают комсорги,
Его снова ругают физорги,
Его ругают секретари
На все корки
От зари до зари:

«В учебе не видно старания,
Не посещает собрания,
Со школы изгоняли —
Осознает едва ли...»
И так далее.

К ругани этой привычный,
Бочо говорит обычно:
«Не люблю этой самой божественной
Вашей жизни общественной.

Пару раз сходили в музей
Для изучения ядовитых змей.
Смотреть на чучела змей ядовитых?!
А сам бы ты смог каблуком раздавить их?
Убить ты сумеешь живого змея?
Ты не умеешь, а я умею».

Но, между прочим,
Бочо
Отшельником вовсе не жил.
Он однажды услуги свои предложил,
Так он сказал военруку:
«Вы знаете, я ведь стрелять могу.
Хотите, — сказал он, откинув прядь, —
Ребят научу стрелять?
Я, как и все, конечно, за мир,
Но надо построить школьный тир.
Я даже план набросал вчерне.
Вот он!
Отгрохаем тир к весне».

На творение его рук
Долго и тупо глядел военрук.

«Программой тир предусмотрен едва ли,
Будет нужен — найдется строитель.
А вот ГТО вы еще не сдавали.
А почему — узнать разрешите?»

Бочо в ответ ничего не сказал,
Он навсегда покинул спортзал.

А жаль! Ведь Бочо это бы смог, —
Он был настоящий стрелок.
Бывало, выйдет с ружьем на крыльцо
Да как подбросит в небо яйцо —
И только отдачи легкий вздрог,
И только брызнет по солнцу желток.

3.

Школа моя!
Вспоминаю тебя с любовью.
Здравствуй, милая!
Как здоровье?

До тебя, как говорят, теперь не легко,
Ты далеко.
И хоть видеть тебя — большая помеха ли? —
Но, я знаю, тебя теперь не найти.
Ведь вокзал, от которого мы отъехали,
Дальше станции той, что еще впереди.

Школа моя!
Твои мальчишки
Весело захлопнули задачки,
Чтоб решать иные задачи —
Иначе.

Чтобы шорох листьев ловить
Там, где шорох песков,
Чтоб в тайге голубой валить
Колоннады стволов.

Школа моя!
Ты — самая первая любовь,
Ты — девочка, что хмурила
Дрожащую, золотистую бровь.
Я ее встретил в садике летнем
И, конечно, влюбился тотчас
В ее белый, белый передник,
В свет ее ясных глаз:

Школа моя!
Из того, что писали мы
В голубых тетрадках,
В сердце осталось что-то главное.
И при всех недостатках,
Школа моя, ты — славная!

От тебя мы узнали столько прекрасного!
Разве мы росли, как трава?
Разве путь проходили сами мы
От веселого и легкого галстука красного
До нелегкого и гордого красного знамени?

Но, школа моя,
Не будем скрывать и грехи:
Ведь немало зубрили мы чепухи,
И ты, и мы порой наивными были,
И, ты знаешь, конечно, отныне —
Наши пальцы были слишком часто в чернилах
И слишком редко они были в глине.

Из-за этого твои ученики
И твой ученик — будь здоров! —
Немало получили тумачков.

Да, первое время твои ученики
Изумленно шупали синяки.
Нам жизнь не дала никаких образцов,
Она предложила под солнцем осваиваться.
И мы научились, в конце-концов,
От щелкающих плетью голосов
По-мужски, как надо, отлаиваться!
Среди сибирских снегов
С примусами в палатках устраиваться.

Одному не учились мы никогда:
Это — Родине лгать.
Никогда, никогда,
Даже если беда
Нам ложилась поперек хребта,
Или за бывших друзей
От стыда
Мы лицо закрывали руками,
Чтобы встретиться завтра врагами.
Или просто (какой тут секрет!)
Нехватало рублей на обед —
Мы на знамени сердца
Не вешали креп.
Мы смеялись, Родина!
Мы научились понимать твой хлеб.

4.

Но так или иначе —
Все мы закончили школу.

Что это было за время!
Что за пора!
Просыпаешься — праздник с утра.
Это — каждому встречному: — Здравствуй!
Это — жизни навстречу,
Еще ноши незнавшие плечи,
И чтоб воздуху больше втянуть —
Нараспашку и настезь
Грудь.

Смеяться громко!
Говорить запрещается шопотом!
За плечами — котомка,
А вагоны дрогнули с ропотом.

Время первых несмелых опытов,
Время первой неопытной смелости.
Аттестат зрелости!

А Бочо держит в руках аттестат:
«Что же, — говорит, — я рад.
Рад, — говорит, — за себя и за отца —
Наконец-то доучился до конца».

И вот прошел какой-то год —
Разъехались ребята.
Всею на свете свой черед.
И кто теперь их соберет?
А может и не надо?

Одних учеба увела,
Других — работают — дела.
Одни уехали в столицу,

Другие предпочли жениться.
А Бочо всем улыбнит рот,
Он говорит: «Смешной народ!
Кому — пот,
Кому — компот,
А я пока что без забот!

На склонах — быстрые косули,
Да не быстрее моей пули.
А утка кричит на болоте,
Взлетит — я бью ее в полете.

А к берегам пойдет кефаль, --
Кефаль, не что-нибудь! —
Из-за нее тогда не жаль
Хоть в море утонуть».

Изредка встречаешь с друзьями,
Бочо меряет их глазами.
И, как всегда, в третьем лице
О себе говорит в конце:

«Бочо гостил у знакомого рыбака,
Бочо выпил, слегка.
Бочо выгодно продал щенка.
Пока!»

Но меньше и меньше вокруг друзей,
Бочо совсем одинок.
И как-то с каждым днем тяжелей,
А кто бы ступил на порог...

И сыновьям говорят соседи:
Не будьте такими, как Бочо, дети,
Этот бездельник Бочо!
Этот верзила Бочо!
Этот забулдыга Бочо!

Ничего не вышло из этого юнца!
Он не стоит и выеденного яйца!
Он таким и останется до конца!
Он разорил своего отца!»

А Бочо печальный сидит в коридоре,
Смотрит на море,
Гладит собаку.
Думает Бочо: «Однако,
Зачем это мною пугают других?
Разве я хуже их?

Что же я — разве сам по себе?
Что же я — разве один на тропе?
Разве не было у меня друзей,
Разве я не жил веселей?»

Он не ходит с ружьем по болоту,
Ему охота теперь — не в охоту.
Он переметы свои забросил,
Да только не в море — в подвал,
На ладонях мозоли от весел
Сходят.
Загоревал.

Но горе — не воду в ступе толочь.
По комнате ходит всю ночь.

И вот он решеньем встречает рассвет.
А утром, покинув жилье,
Бочо продает велосипед,
Бочо продает ружье,
Собак продал (кроме одной),
К городу стал спиной,
Сунул деньги в карман,
Ремнем перетянул чемодан,
Никому ничего не сказал
И — айда — на вокзал!

Отец, приехав через неделю,
Такую записку нашел над постелью:
«Прежде всего не волнуйся, отец,
Не думай о сыне плохо.
Одной эпохе пришел конец,
На смену — другая эпоха.

Как ни странно — решил учиться.
Еду в столицу.
Скучно сидеть, ногти грызя.
Видно, иначе нельзя...»

У друзей справлясь о друзьях,
Я в город родной приехал на днях.
И вот он, Бочо, стоит на улице,
От яркого солнца сладко жмурится.

Здравствуй, Бочо!
Сколько лет, сколько зим!
И за столиком вместе сидим.
Мы общих друзей вспоминаем вначале,
Глядим на детство сквозь восемь лет.

Были школьники —
Взрослыми стали.
Ведь каждый год имеет свой цвет.

Мы с Бочо сидим в винном подвальчике.
Он говорит, не скрывая улыбки:
«Что же, — говорит, — мы были мальчики,
Но время нам исправляет ошибки.

Здесь каждый когда-то мне гибель пророчил,
Теперь подводят коня,
Поддерживают стремя».

Бочо смеется. Гогочет Бочо:
«Время такое, брат, время!»

ОТРЫВКИ ИЗ ПОЭМЫ

В ее повадках, разбираясь тонко,
Ее упрятанную в снег, и в ледники,
Ту землю, как охотник медвежонка,
И приручал он и кормил с руки.

Он мог ее угадывать по звукам,
Он знал ее, как знает умный враг,
Они, примериваясь, слушали друг друга,
Как в ночи шторма море и моряк.

И жили рядом, как друзья бок о бок,
И след его по утренней росе
Годами шел от самых первых тропок
До ввинченного в облако шоссе.

Ребристый лед, вчekanенный в вершины,
И льдами отраженные лучи,
Горы тысячелетние морщины
И кровь земли — горячие ключи

Он знал давно, он понимать привык,
Он пробивался в каменную дверь...

Когда над ним лавиной встал ледник,
Так укротителя вдруг убивает зверь.

Еще в предгрозовой дремоте,
Казалось, тлели цепи гор.
Туман, изорванный в лохмотья,
Клубился из глубоких пщр.

И, расплзаясь, постепенно
Сползал с уступа на уступ,
Как после бега клочья пены
С обвислых лошадиных губ.

Весна! Осевшие снега,
Как бритва взрезала река.
Поток развернутый спиралью,
Со скатов прыгивая вниз,

Плечами берег распирая,
Изголодавшись, камни грыз.
Весна! И первый сквозь валежник
Просунул голову подснежник,

С боков проснувшийся медведь
Стряхнул налипших листьев медь,
И, втягивая влажный запах,
Заковылял на низких лапах.

Сквозь бурелом ветвей и сучьев
Кабан продрался. Он колючей
Щетиной терся о сосну,
Всей шкурой чувствуя весну.

Стучала крыльями сова,
Молочным мартовским рассветом
Рванулась первая листва,
И вспыхнул лес зеленым светом.

Но там, где проходил ледник,
Он тяжело к земле приник.
Стволы лежали, как солдаты,
Как павшие богатыри,
И как разрубленные латы
Топорщились куски коры.

А люди ставили палатки,
Звенела гулкая капель.
Над ними след недавней схватки,
Горы развернутые складки,
В лесах прорубленная щель.

Весна неласково встречала,
Но им с дороги не свернуть.
И начинать им не с начала,
А там, где он окончил путь.

Я помню: в сумерках гора,
Трепещущий огонь,
Летели искры от костра
В раскрытую ладонь.

Огонь — мы слушали его.
В него глядели мы.
Улыбку друга моего
Он выхватил из тьмы.

Я у костра сижу опять.
К товарищу, к тебе,
Воспоминаниями вспять
Иду, как по тропе.

И, не считая за ошибку,
Весь облик твой любя,
Я вспоминаю ту улыбку,
Как самого тебя.

В ней лучшие твои черты
Сливались до конца:
И простоты, и прямоты,
И мужества бойца.

Ее не вытравит уже
Ночей и дней поток.
Она осела на душе,
Как золотой песок.

Вот так прожить и я хочу,
Товарищ дорогой,
Когда и горы по плечу,
И смерти никакой
Не отделить вот этот час
От скромных твоих дел,
Твоей улыбки, твоих глаз,
Костра, где ты сидел.

И, кажется, подать рукой,
Ты рядом здесь во мраке,
Ты слышишь — песня над рекой
Качается, как факел?!

Ведь ты, придя в эти края,
Поставил первый сруб.
Здесь песня первая твоя
С твоих слетела губ...

*

ОГЛАВЛЕНИЕ

Утро	3
Мне право дано	4
Я так давно не был в горах	7
Пастух	9
Сыр	13
Патрон	11
Подкова	15
В шахте	16
Пот	17
Горец и шахта	18
Буйволы	20
Мне охотник однажды сказал	22
Медведь	23
Пограничная ночь	26
Туристы	29
Воспоминание о войне	31
Старик	33
Эстонцы в Абхазии	35
Первый арбуз	38
Пионеры на Мамаевом кургане	40
Двое на Мамаевом кургане	42
Чешский цирк в Сталинграде	44
В полете	47
Испытание самолета	49
Баллада о мальчике, который спас Спартак	51
Старый танк	54
Доброе слово	57

Румянец юности	59
Двое расстаются на вокзале	61
Случайный знакомый	65
Ночная ловля рыбы	67
Поиски любимой	71
Я уеду на север	73
Прощаемся — мешают фонари	74
Южный берег	76
Что ж, пора расставаться	77
Был душный вечер	78
Ты помнишь, мы в зарослях	80
Холод	82
Ошибка	83
Спокойствие	85
Огорчение	87
Незнакомый полустанок	88
Парторг	89
Солнце, девушки и дети	92
Осень	95
Рассказ о Бочо	99
Отрывки из поэмы	117

Редактор А. Ласуриа.

Техредактор М. Хахмигери.

Корректор Е. Воздвиженская.

ЭИ 00578. Подписано к печати 29.IV.1957 г. Объем 7,75 п. л.

Заказ № 1945.

Тираж 2000 экз.

Типолитография им. В. И. Ленина Грузглиздата, г. Сухуми.

Цена 3 р. 50 к.